

Л. И. Вольперт

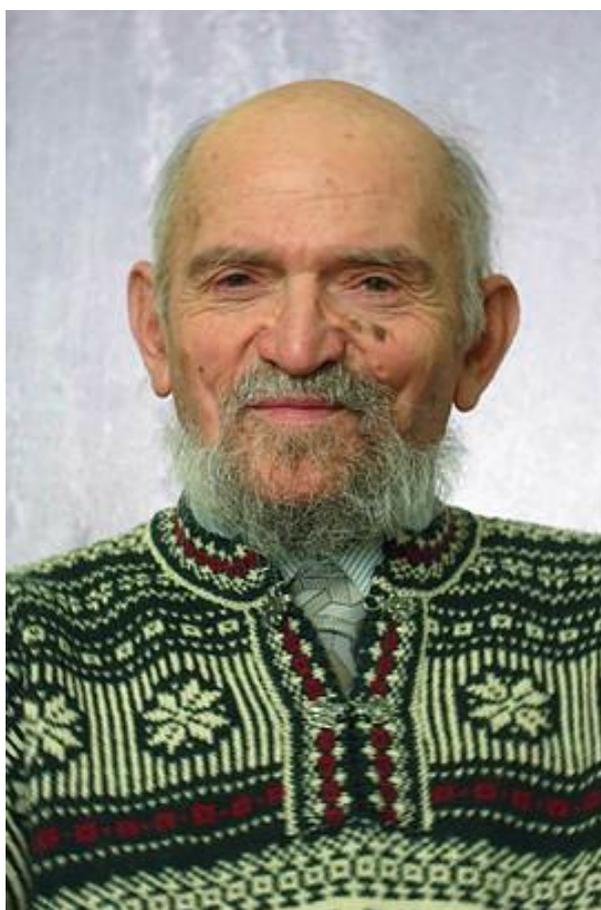
ПАВЕЛ СЕМЁНОВИЧ РЕЙФМАН — УЧЕНЫЙ И ЛИЧНОСТЬ

L. I. Volpert

Pavel Semyonovich Reifman — the scholar and the person

Abstract

In memory of Pavel Reifman (1923—2012) — Dr. Hab. of Philology, a professor of Tartu University, and a scholar of Russian literary history, the pre-revolutionary periodical press, and the history of censorship. Professor Reifman's widow, Larisa Volpert, presents here a biography of her husband and describes his scholarly path, the key achievement of which was his monograph «On the History of Russian, Soviet, and Post-Soviet Censorship», which was based on lecture series he delivered to graduate students at Tartu University. In its digital form (reifman.ru), this book has long been known by scholars of the history of censorship. In 2015, work commenced on a newly edited print edition of the book called «Censorship in Prerevolutionary, Soviet and Post-Soviet Russia» which is equipped with a reference apparatus. The first volume covers the period from the Pre-Petrine days up to the 1830s and 1840s.

Павел Семёнович Рейфман (29 января 1923 — 15 января 2012) — профессор (с 1993 г. почетный профессор) Тартуского университета, доктор филологических наук, специалист по русской литературе, журналистике и критике XIX в., исследователь истории цензуры в России, автор четырех монографий¹ и восьми десятков статей². Наибольшую известность (в том числе, благодаря электронной публикации текста), получила его монография «Из истории русской, советской и постсоветской цензуры»; она вошла в состав нескольких крупных электронных библиотек³, размещена на сайтах историко-литературной и социально-философской тематики⁴. Книга постоянно цитируется в научных работах, приводится в списках использованной и рекомендованной литературы.

Прожив с Павлом Семёновичем 64 года, я наблюдала весь долгий процесс работы над этим емким трудом, а потому не только как близкий человек, но и как филолог, изучавший проблемы цензуры в связи с Пушкиным и Лермонтовым, хочу взять на себя смелость рассказать о книге и о ее авторе⁵.

П. С. Рейфман родился в городе Умани (Украина). В 1940 г., с отличием окончив среднюю школу № 4 в Ленинграде, поступил вне конкурса на филологический факультет Ленинградского университета. Летняя сессия 1941 г. совпала с началом войны. До призыва его сверстников оставалось еще полгода. Несмотря на возможность отсрочки и то, что в начале 1941 г. призывная комиссия признала Павла Рейфмана из-за зрения негодным к военной службе, восемнадцатилетним юношей он ушел в народное ополчение уже на девятый день войны, 30 июня, став одним из тех десятков тысяч добровольцев, мужеством которых решались многие задачи по организации защиты Ленинграда в первые месяцы войны. В составе действующей армии⁶ Павел Семёнович воевал на Ленинградском, затем на Волховском фронтах (под Тихвином). Победа застала его в Румынии. Из всех своих наград он больше других ценил медаль «За оборону Ленинграда», полученную в 1943 г. сразу после прорыва блокады. За боевые заслуги П. С. Рейфман был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Как и большинство фронтовиков, не любивший воспоминаний «о героических подвигах», те страшные четыре года он сдержанно обозначал как «будни войны»; его рассказы об эпизодах военной поры впечатляли простотой, отсутствием какой-либо патетики. Позже, в Тарту, в нашем дружеском кругу шутили, что Юрий Михайлович Лотман и Павел Семёнович Рейфман вели себя на войне в соответствии со своим темпераментом: первый «пробежал» от западной границы до Кавказа, а оттуда обратно, до Одера; второй «просидел» почти всю войну в тихвинских болотах. Юмор позволял преодолеть трагизм понимания того, что местом «сидения» был один из самых кровавых участков Тихвинского фронта.

В августе 1945 г. он демобилизовался и осенью вернулся к учебе в Ленинградском университете, который окончил с отличием⁷ в 1949 г. В культивируемой властями атмосфере антисемитизма не то чтобы продолжить обучение в аспирантуре, но и просто найти работу по специальности в Ленинграде (городе, который он защищал) Рейфману было невозможно. Действие негласных «ограничительных мер» он испытал на себе не раз, и потому в дальнейшем, при изложении истории цензуры советского периода, в объяснение фактов он включал и личный опыт, ставший немаловажным импульсом к осмыслению взаимоотношений властных структур и общества.

По счастливому стечению обстоятельств Павлу Семёновичу удалось устроиться преподавателем в Педагогический институт в Пскове. С 1953 г. его жизнь оказалась навсегда связанной с эстонским городом Тарту, где он был принят на работу сначала в Учительский институт, а затем в Тартуский университет (с 1959 г.). На кафедре русской

литературы университета его коллегами были Юрий Михайлович Лотман, Зара Григорьевна Минц, Валерий Иванович Беззубов, Сергей Геннадиевич Исаков и другие ученые. Павел Семёнович стал одним из тех, «благодаря кому создавался особый дух этой кафедры, дух научного и гражданского свободомыслия, противостоящего советскому идеологическому диктату»⁸.

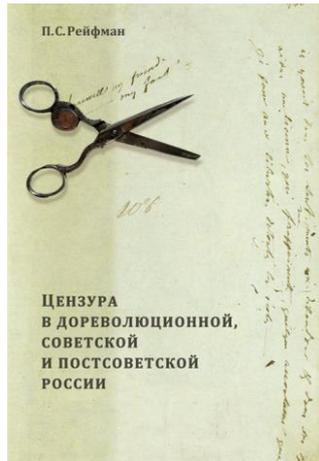
История отечественной цензуры привлекала П. С. Рейфмана на протяжении всей его научной жизни, которая началась в 1940-х гг., когда он был студентом начальных курсов ЛГУ. Предложение прочесть спецкурс на эту тему для аспирантов и докторантов Тартуского университета он расценил как редкую удачу, а представившуюся вскоре возможность опубликовать его в Интернете — как истинный *подарок* Судьбы. Спецкурс по истории цензуры профессор Рейфман прочел в 2001–2003 гг. Тогда же он начал работу по созданию электронного текста своего лекционного курса, которую продолжал десять лет, до последних дней жизни⁹, внося в него изменения, дополнения, новые аспекты осмысления уже рассмотренных проблем. «Я по характеру своему зануда, и если начинаю что-нибудь делать, то делаю и делаю...»¹⁰ — так, с характерной для него самоиронией, отзывался он о собственном стиле научной работы.

Мне было интересно наблюдать, как Павел Семёнович работает. Рождение книги происходило не только в библиотеке университета и в рабочем кабинете, за письменным столом. Над каждой будущей лекцией (а после — главой) он думал до смешного постоянно: гуляя по парку, разговаривая со мной о разных пустяках, он одновременно умудрялся «прокручивать» в голове какую-нибудь мысль, относящуюся к лекционному курсу. Иногда включал в этот процесс и меня, что нередко приводило к спорам, результат которых, по его признанию, часто оказывался небеспольным. Едва проснувшись, или ночью, во время бессонницы, он раздумывал, как яснее и доходчивее объяснить магистрантам сложную идею, а найдя решение, тут же записывал его на бумаге. Текст книги, который он вносил в компьютер, также складывался из этих предварительно подготовленных записей. В далеко не молодом, 80-летнем возрасте Павел Семёнович овладел программой ввода текста в Интернет, однако учиться думать «в компьютер» он упрямо не желал. Возможно, в этом было еще одно проявление «академизма» его мышления и отношения к научной работе.

Об этом удивительном сочетании «старомодного» и «современного», сухо-академического и остроумно-живого вспоминают многие его студенты: «Лекции Павла Семёновича <...> поначалу казались монотонными и даже скучноватыми, а сам он — педантом с классической профессорской внешностью: очки, седоватая борода, лысина, корректная и сдержанно-ироническая манера в общении со студентами. Но стоило только внимательно вслушаться в то, что говорил профессор, как перед аудиторией яркими красками начинала играть эпоха»¹¹. Отпечаток лекторского стиля П. С. Рейфмана сохранился на страницах его книги: то же отсутствие внешних эффектов, выраженных в нарочито «красивых», стилистически усложненных формулировках, то же ощущение темпа естественной речи с ее неравномерностью длины высказываний. Основная повествовательная линия нередко перебивается «вставными» сюжетами, оживляющими изложение материала. Текст книги отчасти напоминает лекторский конспект (то, чем он изначально и был), предполагающий, что словесное оформление фраз происходит в процессе рассказа; короткие назывные предложения позволяют экономить место на бумаге и время; главное — зафиксировать мысль. Информативное наполнение курса и без того велико, и потому, чтобы сказать самое важное, лектор отказывается от обильных рассуждений, уступая место точно подобранным фактам. По замыслу автора, курс рассчитан на людей, желающих научиться думать самостоятельно, сопоставляя и

анализируя собранные данные, а не получая готовые рецепты поведения и мышления.

Выводя в Интернет не окончательную, «черновую», по его выражению, версию курса, Павел Семёнович хорошо понимал, сколько работы потребовалось бы, чтобы привести огромный текст в соответствие со стандартами научной публикации. Понимал как ученый. А как человек, осознающий свой возраст и состояние здоровья (к этому времени он перенес уже два инфаркта), торопился довести свой труд до читателя. В память об Учителе бывшие студенты, друзья и коллеги П. С. Рейфмана откликнулись на мою просьбу превратить главный труд его жизни в печатное издание и сделали это, преодолев организационные сложности.

Обложка книги

В 2015 г. издан первый выпуск первого тома книги Павла Семёновича Рейфмана¹², охватывающий период до 1840-х годов. В этой части сконцентрированы все главные, концептуально и структурно значимые особенности исследования: новое расширенное понимание термина «цензура», анализ диалектики отношений власти и общества в определении права на высказывание мнений, вскрытие механизмов создания выгодных для власти новых мифов. Первый выпуск — как фундамент будущего здания — заложил основы для публикации следующих частей¹³ обширного труда.

Редактором тома стал архивист-источниковед Г. Г. Суперфин (в 1964–1969 гг. — студент историко-филологического факультета отделения русской филологии Тартуского университета), которому я благодарна за прекрасную научную работу. При подготовке печатного издания было осуществлено стилистическое редактирование текста (стиль лекционной устной речи переведен в стиль научного печатного издания, но с уважительным сохранением специфики первоначальной стилевой манеры авторского высказывания), все цитаты были проверены по первоисточникам, даны историко-библиографические комментарии, составлены списки цитированных источников, сокращений и аббревиатур, именной указатель.

Путь к созданию П. С. Рейфманом целостного исследования по истории цензуры в России наметился уже в его первых научных работах, опубликованных в «Ученых записках Тартуского университета», — статьях «Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета “Современное слово”» (1961), «Тартуская народовольческая типография (Из истории русской бесцензурной журналистики)» (1961), «Иностранная цензура в Тарту в 1860-х годах» (1966). На эти публикации до сих пор ссылаются исследователи цензуры в Российской империи XIX века. Им же написан раздел о литературной цензуре для наиболее полной из всех существующих энциклопедий о Санкт-Петербурге¹⁴.

Впрочем, само занятие историей русской журналистики, определившее тему его первой диссертации — «“Отечественные записки” 1840-х гг. (Период участия в журнале В. Г. Белинского)», написанной во время работы в Псковском педагогическом институте и защищенной в Ленинградском университете в 1953 г., не оставляло автору выбора: обойти вопросы цензурного регулирования журналистской деятельности было просто немыслимо. Павел Семёнович указывал на эту связь, отвечая на вопрос о выборе им научной стези: «Когда-то, в доисторические времена, вернувшись с фронта в 1945 году, я оказался на журналистском отделении филологического факультета ЛГУ. Через некоторое

время я оттуда сбежал, но года два я занимался историей журналистики, меня всегда это интересовало. По истории журналистики я и кандидатскую диссертацию защитил, и докторскую. А журналистика всегда была очень связана с цензурой»¹⁵.

Работа над докторской диссертацией «Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов», потребовавшая изучения документов из архивов Москвы, Ленинграда, Тарту, относящихся, в том числе, к деятельности цензурных ведомств и разработке цензурного законодательства, привела П. С. Рейфмана к выводу о необходимости подробного анализа взаимоотношений журналистики и властных структур. В диссертации (защищенной в Тартуском университете в 1972 г.) он раскрывает такие процессы и явления, как изменения в законодательстве о печати, передача цензуры в ведомство Министерства внутренних дел, столкновения редакций журналов и газет с цензурой, отклики прессы на цензурную политику правительства, создание официальных и официозных газет; затрагивает вопросы стиля, слога, приемов, жанров, мастерства журналистов, — всего того, что позволяло им обходить цензурные ограничения, например, с помощью обращения к «эзопову языку». «Цензурные» маркеры позволили обосновать и хронологические рамки диссертационного исследования: одной из примет 1860-х годов, по замечанию П. С. Рейфмана, было то, что «подавляющее большинство газет и журналов защищало “свободу слова”, иногда более или менее искренно, иногда демагогически-лицемерно, сопровождая свою защиту оправданием конкретных цензурных преследований». Периодика демократического лагеря, «критикуя различные цензурные законодательства, подводила к выводу, что такие законодательства естественны для реакционных правительств, что обсуждение вопроса о цензурных преобразованиях не имеет в данных условиях практического значения, не в силах оказать благотворного влияния на подготовку и проведение цензурной реформы, а может лишь содействовать пониманию происходящего»¹⁶.

Тот же подход к рассмотрению проблемы сохранился в прочитанном профессором Рейфманом курсе лекций, а затем и в созданной на их основе книге «Из истории русской, советской и постсоветской цензуры». Диалектика взаимоотношений властных структур, с их стремлением к регламентации жизни общества, в том числе с использованием механизмов цензуры, и мыслящих, творческих сил самого общества становится нитью, на которую нанизываются историко-культурные события от допетровского времени (а фактически, с начала книгопечатания) до начала XXI века. Сменялись века, системы правления, названия государства (Российская империя — СССР — Российская Федерация), менялись и формы контроля. Неизменным оставалось одно: здесь «никогда не жили без цензуры» и «всегда здесь очень не любили о цензуре упоминать»¹⁷.

Павел Семёнович выявляет этот процесс постепенного затушевывания темы «цензура», вплоть до нежелательности признания самого ее присутствия в советской действительности, приводя сравнительный анализ статей о цензуре в главных отечественных энциклопедиях и показывая, как постепенно сокращалось количество материалов о ней, изложение вопроса становилось более обтекаемым, а смысл — туманным. Похожие изменения происходили и со статьями другой тематики, но пример объяснения понятия «цензура» ярок и показателен. Если в предреволюционном Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о цензуре в России еще говорится открыто¹⁸ и подробно, в нескольких тематически связанных статьях, то в советских энциклопедиях, от издания к изданию, статьи о цензуре «усыхают» в объеме, их стиль становится идеологически все выдержаннее и, как следствие, все корявее. Во избежание ненужных вопросов о существовании цензуры в СССР, в одном из основных толковых словарей русского языка¹⁹ при объяснении слов «цензура» и «цензор» настойчиво

повторялись пометы «устаревшее» и «заграничное», дававшие понять, что незачем говорить о том, что к *нашей* действительности отношения не имеет.

В авторском предисловии к электронному изданию П. С. Рейфман подчеркнул, что пишет не исчерпывающую, полную историю цензуры, но лишь об отдельных эпизодах, проблемах, выводах, заключениях, которые представляются наиболее существенными, то есть суживает тему. В то же время его лекционный курс получился и шире собственно истории цензуры: в нем затронуты вопросы истории общественного движения, формирования общественного сознания, истории литературы, книгопечатания, образования. Да и сама цензура представлена не только как государственное учреждение, созданное для контроля над печатью (и другими СМИ), но и как вся система мер «при помощи которых государство пытается создать нужный ему миф о действительности, подменяя и искажая реальную картину ее, используя для этого <...> самые различные формы воздействия от награждений и всяческих льгот до ссылок и каторги»²⁰. Цензура, объясняет автор, выражается не только в запрещении, но и в поощрении, в усиленной до агрессивности пропаганде официальной точки зрения, что приводит к созданию ложной картины мира. И пусть цензура (включаящая и самоцензуру) существует в той или иной форме всегда и везде, однако в тоталитарных государствах она также становится тотальной, используя СМИ, как один из мощнейших каналов воздействия на общественное сознание, для превращения информации в дезинформацию. «В условиях тоталитарного режима, массовых репрессий, расправ слова Бернарда Шоу: ”Убийство — крайняя степень цензуры“ <...> из афоризма, метафоры превращаются в зловещую реальность»²¹. Михаил Зощенко, Исаак Бабель, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Иосиф Бродский, Александр Солженицын... Список имен писателей и поэтов, составивших славу русской литературы и ставших при этом жертвами цензуры удручающе долог. И не только в советское время. Ссылки и каторга как правительственная «оценка» творчества писателей (Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского) следующая за цензурным запрещением их произведений, была распространена уже во второй половине XIX в., когда для осуждения и расправы не требовалось даже юридического доказательства авторства, было достаточно одного лишь *подозрения*.

Не преувеличивая воздействие цензуры на историко-литературный процесс в целом, П. С. Рейфман создал книгу «не совсем о цензуре в узком смысле этого слова, это не история цензурного ведомства в России. Это история взаимоотношений власти и общества, увиденная сквозь призму запретов, налагаемых властями на общественную жизнь. Цензура таким образом становилась одним из мощнейших инструментов лжи и манипулирования обществом в руках правительства»²². Исследование П. С. Рейфмана на примерах всех исторических эпох убедительно показывает, что цензура есть безусловное зло, служащее ограничению мысли, сокрытию правды и распространению лжи.

Созданный в результате текст книги, обладающий всеми качествами научной работы: ярко выраженной авторской концепцией, целостностью изложения, продуманностью структуры, высокой концентрацией фактического материала, привлечением значительного числа исторических документов и исследований, — текст общим объемом свыше 80 авторских листов²³, сам автор парадоксальным образом не относил к «научным исследованиям». Обозначенный им жанр «учебного пособия», не отменяя научного подхода к подаче материала, объясняет некоторые композиционные и стилистические особенности книги П. С. Рейфмана и должен быть обязательно учтен при ее историографической оценке.

Одной из таких особенностей является обширное цитирование официальных документов, определявших цензурную практику: законов, постановлений, инструкций,

распоряжений, циркуляров и т. п. Малодоступные из-за рассеяния по архивам, а зачастую и закрытые грифами «секретно» и «для служебного использования», эти документы начали публиковаться в виде тематических подборок лишь в 1990-е гг.²⁴ и были быстро и жадно впитаны читающей публикой (от исследователей до публицистов). Настолько, что некоторые из книг не попали даже в крупные библиотеки: их тиражи «растворились» в стране. Помимо этого побудительного мотива — дать возможность ознакомиться с текстами первоисточников, цитирование созданных различными управляющими и надзорными инстанциями регламентирующих документов позволяло проследить постепенные изменения в цензурном законодательстве, вписанные в общий контекст эпохи. Так выстраивается сюжетная линия в первой части книги: от наиболее благоприятного для русской литературы цензурного законодательства при Александре I (указы 1802–1803 гг. и «Устав о цензуре» 1804 г.), через «чугунный» устав А. С. Шишкова (1826), к «цензурному террору» николаевской эпохи. Именно такой подход — детальность изложения в сочетании с детерминированностью каждого явления — позволяет передать ощущение непрерывности (и почти роковой неизбежности) развития методов цензурного надзора, постепенно захватывающего все новые и новые объекты внимания. Монотонное, сухое перечисление параграфов могло вызвать у читателя лишь ощущение скуки, но, парадоксальным образом, дает мощный психологический эффект, рождая напряженную тревогу: остались ли еще пути и способы свободного выражения своего мнения после введения стольких ограничений?

Специалисты, хорошо знающие литературу по теме, могут отметить обильное цитирование (иногда практически движение «след в след») отдельных работ по истории цензуры в России как уже заслуживших статус «классических»²⁵, так и новейшего времени²⁶. В таком подходе есть рациональное основание: ко времени начала работы над курсом дореволюционные исследования стали библиографической редкостью, доступной далеко не каждому студенту. Кроме того, в более поздних работах цитирование этих источников происходило не всегда корректно или с неудачными купюрами, искажающими общий смысл высказывания, и потому, воспроизводя на страницах своего учебного пособия классические тексты, П. С. Рейфман дополнял его своего рода хрестоматией — подборкой лучших, необходимых для ознакомления фрагментов из важнейших трудов по теме.

Как исследователь русской литературы XIX в. Павел Семёнович часто вводит в свою книгу о цензуре яркие примеры из истории литературы, цитаты из художественных, литературно-критических, публицистических текстов русских писателей, — все это позволяет проследить сложные переплетения явной и скрытой полемики авторов, стремящихся к свободному выражению своих мыслей, и правительства, желающего иметь над ними контроль. В этом активном привлечении литературно-художественного и литературоведческого материала (в частности, показывающего переосмысление творчества писателей в зависимости от системы координат, заданной действующим цензурным законодательством), как представляется, состоит еще одно отличие рейфмановского изложения истории цензуры от других — написанных историками и журналистами. В качестве примера можно вспомнить историю публикации и осмысления главы «Торжок» (из книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву») — по сути, первого в России развернутого рассуждения о цензуре. Радищев не только уже употребляет это слово, но и говорит не отвлеченно, о явлении вообще, а о конкретной цензурной политике Екатерины II²⁷. Характеризующей николаевскую эпоху историей, в которой «царь выступает как грозный цензор, свирепо карающий провинившегося, бесчеловечный и жестокий», П. С. Рейфман считает преследование талантливого поэта

А. И. Полежаева за поэму «Сашка»²⁸. Подробно, на протяжении двух с половиной глав²⁹, Павлом Семёновичем анализируются перипетии взаимоотношений с цензурой А. С. Пушкина. Особое внимание уделяется процессам сотворения и поддержания мифов о Пушкине как религиозно-монархически настроенном писателе, выражавшем тенденции «высокой русской лирики» с ее официальным патриотизмом и обязательной любовью к царю.

Мифология эпохи и механизмы мифотворчества — сквозная тема на протяжении всей книги. Развенчание то апологетических, то обличительных мифов, сознательно создававшихся и широко распространявшихся по заданию властей, П. С. Рейфман называет одной из задач своего исследования. Демифологизация происходит и при сопоставлении всех имеющихся в распоряжении исследователя фактов и их интерпретаций («следует сравнивать разные точки зрения, различные версии происходившего, не замалчивать их»), и при вскрытии истинных целей искажения информации, превращении ее в пропаганду. Ведь, как утверждает автор, «мифы тоже в своеобразном виде зеркало эпохи», и порой такое, которое достаточно точно отражает ее реальность. Сам он не претендует на звание пророка, изрекающего неоспоримые истины, и предостерегает своего читателя от попыток воспринимать курс лекций как новую, антиофициальную, мифологию: «Не привыкайте безусловно верить в любое высказанное утверждение, в том числе мое. Узнать правду, да и то относительную, можно лишь на пересечении многих точек зрения, в том числе противоположных»³⁰.

Создаваемая сразу как интернет-публикация, книга «Из истории русской, советской и постсоветской цензуры» имела начало, но не имела, по крайней мере, для автора, конца. Начав самостоятельно набор текста в 2001 г.³¹, Павел Семёнович выполнил несколько его редакционных, с учетом новых сведений, которые он находил, осмысливал и включал в содержание своего курса. Он продолжал делать это даже после того, как написал 20 сентября 2009 г.: «Считаю законченной свою работу по цензуре»³². Я была рядом в тот момент, когда Павел Семёнович впервые увидел свою книгу на страницах сайта³³. Он был по-настоящему счастлив! До последних дней своей жизни он продолжал работать над текстом, и эта работа наполняла его огромной радостью, придавая смысл каждому дню.

Информационный дефицит 1990-х — начала 2000-х годов, в котором оказался П. С. Рейфман, сменился избытком: недостаток книг и журналов по теме исследования, вышедших в России после распада СССР³⁴, перекрылся лавиной интернет-публикаций, в основном публицистического характера, что не только не отменило, но даже обострило актуальность вопроса о нужности цензуры в новом обществе и иной информационной ситуации. Павел Семёнович отвечает на этот вопрос в Заключении³⁵ к своей книге, солидаризируясь с мнениями А. Н. Радищева и М. Е. Салтыкова-Щедрина и приводя оценку новейших реалий. Глубокое погружение в историю не мешало профессору Рейфману слышать живые голоса людей сегодняшнего дня.

«Из истории русской, советской и постсоветской цензуры» — самый объемный научный труд³⁶ П. С. Рейфмана, который сам он оценивал как наиболее значимый из всего, им созданного. Им он подводил итог не только изучению истории цензуры, но, можно сказать, и всей жизни: «Поставленную перед собой задачу считаю выполненной <...> книга получилась. Главная моя книга. Ее читают. Значит и я *состоялся*»³⁷.

Примечания

¹ Демократическая газета «Современное слово» / отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту, 1962. 115 с.; М. Е. Салтыков-Щедрин, 15.1.1826 – 28.IV.1889: (творческий путь) / отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту, 1967. 141 с. (второе издание — 1973. 149 с.); Н. Г. Чернышевский,

12.VII.1828 – 17.X.1889: (эстетическое, историко-литературное, литературно-критическое наследие. Чернышевский-беллетрист) / отв. ред. З. Г. Минц. Тарту, 1973. 127 с. ; Из истории русской, советской и постсоветской цензуры : [интернет-публикация]. Тарту, 2001–2011.

² Список научных публикаций П. С. Рейфмана см. на его персональном сайте (<http://reifman.ru/publication/>), персональной странице на сайте «Ruthenia» (<http://www.ruthenia.ru/document/523153.html>), в юбилейном сборнике (Список печатных трудов Павла Семёновича Рейфмана // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана / Тартуский ун-т. Каф. рус. лит. Тарту, 2008. С. 345–355). Научная деятельность тартуского периода отражена в библиографическом указателе: Труды по русской литературе и семиотике кафедры русской литературы Тартуского университета, 1958–1990 : указ. содерж. / сост. Г. М. Пономарева, С. Г. Барсуков ; науч. ред. С. Г. Исаков. Тарту, 1991.

³ Таких как: библиотека научной литературы «Гумер» (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/reifm/26.php), образовательная библиотека «Litresp.ru» (<http://litresp.ru/kniga/ru/%D0%A0/reifman-pavel-semenovich/iz-istorii-russkoj-sovetskoj-i-postsovetskoj-cenzuri>), общедоступная библиотека «ЛитБук» (<http://litbook.net/book/64749/iz-istorii-russkoj-sovetskoj-i-postsovetskoj-cenzury/>) и других.

⁴ Среди них можно отметить прижизненную публикацию книги на сайте литературно-исторического журнала «Что есть истина?» лондонского Творческого литературного объединения «Русский Альбион» в 2009–2011 годах (см.: <http://istina.russian-albion.com/ru/jurnal/>). В журнале дается только текст глав без разделов «Заключение», «Послесловие» и «Библиография», в настоящее время доступных на персональном сайте П. С. Рейфмана: <http://reifman.ru/arkhiv/>.

⁵ Благодарю Нази Арутюнян и Маю Халтурину за техническую помощь, оказанную при подготовке этой статьи.

⁶ Сначала в медсанбате, потом в химических войсках.

⁷ Успехи в учебе были отмечены тем, что П. С. Рейфман получал персональную стипендию им. В. Г. Белинского.

⁸ Об авторе // *Рейфман П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России : [персональный сайт П. С. Рейфмана]. Тарту, 2001–2011. URL: <http://reifman.ru/ob-avtore/> (дата обращения: 05.05.2016).

⁹ Последнее дополнение к «Послесловию» относится к 30–31 декабря 2011 года.

¹⁰ *Рейфман П. С.* «Во мне молодая душа...» / [интервьюер Людмила Месропян] // Карьера. 2008. Март. С. 44. (То же: http://www.reifman.ru/articles/Karjera_2008_03.pdf).

¹¹ *Парсамов В. С., Пильщиков И. А.* Предисловие // *Рейфман П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. М., 2015. Т. 1, вып. 1. С. 6. О том же говорят другие выпускники Тартуского университета: Тарту дорог как город утрат / Е. Мельникова-Григорьева (вступ.) ; Я. Левченко, Л. Зайонц, И. Журьяри ; [ил.] М. Гнездилова // Plug. 2012. 23 апр. (URL: <http://plug.ee/2012/04/tartu-dorog-kak-gorod-utrat/>) ; Павел Рейфман : беседа с эмерит-профессором каф. рус. лит. Тартуского ун та П. Рейфманом / авт. и ведущая Н. Яльviste ; реж. Ю. Яльviste. Тарту, 2001. (Субъектив: Лицом к лицу) // ETV. URL: <http://etvpluss.err.ee/v/b4dc516c-a3d8-4c5c-915b-15f2a1437ded> (дата обращения: 05.05.2016).

¹² *Рейфман П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России : курс лекций : в 2 т. М. : Пробел-2000, 2015. Т. 1: Цензура в дореволюционной России, вып. 1: Допетровская Россия – первая треть XIX в. / под ред. Г. Г. Суперфина; предисл.

И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. 231 с.

При подготовке печатной версии книги название «Из истории русской, советской и постсоветской цензуры» было изменено на «Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России».

¹³ Я была счастлива иметь возможность в вышедшем первом выпуске поименно поблагодарить всех, кто способствовал появлению книги. В настоящее время завершается подготовка к изданию второго и третьего выпусков первого тома.

¹⁴ Рейфман П. С. Цензура литературная // Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия : в 3 т. Т. 2: Деятнадцатый век, кн. 7: У–Ч. СПб., 2009. С. 660–667.

¹⁵ Рейфман П. С. «Во мне молодая душа...» / [интервьюер Л. Месропян] // Карьера. 2008. Март. С. 42. (То же: http://www.reifman.ru/articles/Karjera_2008_03.pdf).

¹⁶ Рейфман П. С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. Тарту, 1972. С. 7, 44.

¹⁷ Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. М., 2015. Т. 1, вып. 1. С. 18.

¹⁸ «Таким образом, в течение XIX века цензура исчезла во всех государствах Западной Европы и Южной Америки (в Северной Америке она никогда не существовала), и в настоящее время, кроме восточных государств (Китая, Персии), сохраняется лишь в Турции, Черногории и России» (Богучарский В. Я., Водовозов В. В. Цензура // Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. Т. 37а (74). СПб., 1903. С. 949.).

¹⁹ Под редакцией Д. Н. Ушакова; первое (1935—1940) и второе (1947—1948) издания.

²⁰ Рейфман П. С. От автора // Рейфман П. С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Тарту, 2001—2011. URL: <http://reifman.ru/arkhiv/> (дата обращения: 06.05.2016).

²¹ Рейфман П. С. Советская и постсоветская цензура: вместо вступления // Рейфман П. С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Тарту, 2001—2011. URL: <http://reifman.ru/soviet-postsoviet-tsenzura/vmesto-vstuplenija/> (дата обращения: 04.05.2016).

²² Парсамов В. С., Пильщиков И. А. Предисловие // Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. М., 2015. Т. 1, вып. 1. С. 7–8. (То же: http://reifman.ru/tom1_v1/).

²³ В электронном виде — более 1100 страниц.

²⁴ Таких как: В тисках идеологии : антол. лит.-полит. док., 1917–1927. М., 1992. 511 с. ; История советской политической цензуры : док. и коммент. / отв. сост. Т. М. Горяева. М., 1997. 672 с. ; Цензура в Советском Союзе, 1917–1991 : документы / Рурский ун-т (Бохум, ФРГ), Ин-т рус. и сов. культуры им. Ю. М. Лотмана, Федерал. арх. агентство ; сост. А. В. Блюма ; коммент. В. Г. Воловников. М., 2004. 575 с. ; «Литературный фронт» : история политической цензуры, 1932–1946 гг. : сб. док. / Рос. центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ассоц. исследователей рос. о-ва XX века ; сост. Д. Л. Бабиченко; предисл. Д. Байрау. М., 1994. 273 с.

²⁵ В первую очередь, исследований М. К. Лемке, А. М. Скабичевского.

²⁶ Работы К. Аймермахера, А. В. Блюма, Т. М. Горяевой, Г. В. Жиркова и др.

²⁷ См. главу 1: От Первого до Второй. «Курносый злодей».

²⁸ Рейфман П. С. Глава 3 : «Должно повиноваться, а рассуждения держать про себя» // Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. М., 2015. Т. 1, вып. 1. С. 113–115.

²⁹ См. главы 2–4 в первой части книги.

³⁰ *Рейфман П. С.* От автора // *Рейфман П. С.* Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Тарту, 2001–2011. URL: <http://reifman.ru/ot-avtora/> (дата обращения: 06.05.2016).

³¹ Первый адрес публикации, по которому текст был выложен самим автором: <http://lep0.it.da.ut.ee/~pavel/index1.htm>. Процесс работы П. С. Рейфмана над электронной книгой запечатлен в нескольких фрагментах фильма-интервью, подготовленного в 2001 г. для цикла биографических передач Эстонского телевидения. См.: Павел Рейфман : беседа с эмерит-профессором каф. рус. лит. Тартуского ун та П. Рейфманом. Тарту, 2001 / авт. и ведущая Н. Яльвисте ; реж. Ю. Яльвисте. Тарту, 2001. (Субъектив: Лицом к лицу) // ETV. URL: <http://etvpluss.err.ee/v/b4dc516c-a3d8-4c5c-915b-15f2a1437ded> (дата обращения: 05.05.2016).

³² *Рейфман П. С.* Послесловие // *Рейфман П. С.* Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Тарту, 2001—2011. URL: <http://reifman.ru/soviet-postsovet-tsenzura/posleslovie/> (дата обращения 07.05. 2016).

³³ Сайт reifman.ru был создан благодаря помощи доброго друга нашего дома веб-разработчика Елены Мирлиной.

³⁴ О появлении некоторых из них П. С. Рейфман знал и с сожалением отмечал, например, что не имел возможности познакомиться с новыми книгами глубоко им уважаемого ученого из Санкт-Петербурга Арлена Викторовича Блюма.

³⁵ *Рейфман П. С.* Заключение // *Рейфман П. С.* Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Тарту, 2001–2011. URL: <http://reifman.ru/soviet-postsovet-tsenzura/zakljuchenie/> (дата обращения 07.05. 2016).

³⁶ «Соперничать» с ним могла бы только его докторская диссертация «Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов» (Тарту, 1972) — три тома, 1593 страницы.

³⁷ *Рейфман П. С.* Послесловие // *Рейфман П. С.* Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Тарту, 2001—2011. URL: <http://reifman.ru/soviet-postsovet-tsenzura/posleslovie/> (дата обращения: 06.05.2016).